

ФУНКЦИЯ ПОДЗАГОЛОВКОВ И "ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЙ" В "АЗБУКАХ" ДМИТРИЯ А. ПРИГОВА

На персональном сайте Дмитрия А. Пригова в разделе "Буквы" представлена "Азбука", состоящая из пятидесяти, пронумерованных от одной до шестидесяти девяти, "Азбук" ("Азбуки" 19, 22, 32, 37, 51-56, 58, 60, 64, 66, 68 отсутствуют) [1]. Практически каждый текст, помимо собственно названия "АЗБУКА", сопровождается, во-первых, нумерацией ("Азбука 1", 2, 3 и т.д.), выстраивающей их в некую систему, задающей своеобразный "порядок" их чтения; во-вторых, "Предупреждением" [2]; в-третьих, начиная с 1984 года (с "Азбуки 7"), заключенным в скобки подзаголовком. Нижняя граница текста отмечена датой написания (указанием года), а в отдельных случаях – специальной финальной фразой. Понятно, что в каждом отдельном случае функциональность тех или иных компонентов заголовочно-финального комплекса требует особого изучения. Мы же, в свою очередь, рассмотрим специфику соотношения заголовочно-финального комплекса "Азбук" и собственно "азбучных" текстов в целом, в их типологической, концептуальной в рамках представленного корпуса текстов, соположенности, семантической (или иной) заданности.

Собственно название "Азбука", метатекстовое по сути, акцентирует ориентацию автора на существующую жанровую традицию, что особо оговаривается в "Предупреждении" к "Азбуке 1": "Азбука сия написана строго в соответствии весьма нехитрым и нестрогим правилам подобного жанра, имея своими предшественниками букварные опусы всех времен всех народов, и, конечно, в особенности, русского, включая и знаменитую необщеобразовательную барковскую <...>".

Обычно подобного рода заголовки, а также подобного рода указания необходимы для того, чтобы "определять формальное ограничение, на основе которого создано произведение" [3]. И действительно, практически все тексты, названные "Азбука", так или иначе, прежде всего формально, следуют заданному жанровой традицией коду, строясь, в большинстве своем, по "азбучному", букварному принципу.

Вместе с тем, целый ряд текстов явно и намеренно отступает от подобного рода "азбучности", то есть от внешнего следования за буквенным, алфавитным порядком. Так, например, происходит в "Азбуках", которые, наряду со следованием определенным ограничениям, демонстрируют попытку их трансформации, своеобразного сдвига жестко заданной конструкции. Возможность того или иного сдвига обусловлена, во многом, тем целеполаганием, которое автор специально прописывает в "Предупреждении" – своеобразном тексте-комментарии, выполняющем сразу несколько функций. С одной стороны, "Предупреждение" служит метатекстовым комментарием к понятию "Азбука" в целом; с другой стороны, - дает толчок к выстраиванию собственно семантического облика того или иного азбучного текста. И та и другая функции взаимообусловлены. Как "Предупреждение" метатекстово по отношению к тому или иному тексту "Азбуки", так метатекстовы и сами "Азбуки", иллюстративные по отношению к тому или иному "Предупреждению".

В результате, следуя тем определениям азбуки, которые дает "Предупреждение", можно выстроить следующую парадигму: азбука в "Азбуках" Дмитрия А. Пригова – это и жанр ("букварный опус") ("Азбука 1"), и пародийный прием ("Азбука 1"), и цельный текст ("Азбука 4"), и способ выстраивания "иерархических рядов вселенной" ("Азбука б"), и строгая последовательность смысловых значений букв, "в целокупности своей представляющих грандиозную драматургию мироздания и бытия" ("Азбука 9"), и "закодированный набор сакраментальных, но и жгучих, извечных человеческих вопросов" ("Азбука 11"), и "система онтологических значений" ("Азбука 20") и т.д., и т.п.

Данное перечисление может быть продолжено, при том что число элементов этого перечня фактически будет равно числу "Азбук". Но если первые определения, встречающиеся в первых "Азбуках", по преимуществу, имеют вид научных (или квазинаучных) дефиниций, то для более поздних "Азбук" характерны либо определения метафорические, образные, например, "музыка азбуки встреч" ("Азбука 14"), азбука "как оружие свое, как меч, как бич, праведно карающий" ("Азбука 41"), "некий кристалл магический" ("Азбука 47", "64"), "сердца тайный говор!" ("Азбука 42"), "дерево вертикальное зеленое, алмаз прозрачный как кристалл <...> обрывки какие-то что-то предвещающие, и себя в виде оленя живущего" ("Азбука 61") и т.д. Либо это определения, травестирующие элементы самых разных жанровых структур или тех или иных социокультурных, религиозных, философских и т.п. дискурсов. Например:

– "Азбука нахлынувшего чувства, прокатившегося то ослабевающей, то вновь вскидывающейся волной голошения, причитания по нисходящим уступам, дробящим ее на составные части, брызги и пыль мелкую, кремнистой лестнице нисходящего алфавита" ("Предуведомление" к "Азбуке 16");

– "пустой набор, перебор равнозначных, безличных точек, лишь выбором точки отсчета, утверждаемой как центр средостения, обретающее смысл, структуру, жизнь, прошлое и будущее" ("Предуведомление" к "Азбуке 26");

– "звучание смысла тайного, словами не могущего, да и не должного быть облаченного словом отдельно прыгающим – смысл мучительный, тяжесть сердца в даль бескрайнюю уносящий, но и губительный порой" ("Предуведомление" к "Азбуке 28");

– нечто, данное "всем на радость, на волю, во спасение. Всяк, всяк найдет приют в нем и утешение. Приди к нам любой и мы направим тебя на путь истинный!" ("Предуведомление" к "Азбуке 36");

– "как основополагающая структура всего бытия и отражающаяся в любых его областях, сферах, закоулках и тупичках (езде! Везде!), даже самых темных и отвратительных (бывают, бывают вот такие, не по своей вине даже, бывает!), даже таких ужасных и непросветных, как мат наш возлюбленный (о, незаслуженно, незаслуженно, ну, может, в какой-то мере и заслуженно, но совсем не по причине его каких-либо достоинств, но лишь по причине слабостей наших неопишуемых!), сиянием своим пронизывая его и утверждая (о, благодатная! Великая! Спасительная!) смысл и спасение даже самых падших тварей мира сего (спаси, спаси и пощади их, Господь!)" ("Предуведомление" к "Азбуке 45").

Как видно из приведенных примеров, именно "Предуведомления" задают пути разветвления, а в результате, мутации азбучной формы: от первой, намеренно "букварной" ("вся общественно-политико-идеологическая лексика должна прививаться юному поколению нашей Родины с детства"), к намеренной трансформации (разрушению, сдвигу) жанровой формы следующих текстов через их структурное (жанровое) рассеивание.

Не случайно, более поздние "Азбуки" включают в себя наряду с формальным следованием букварному принципу структурные формы диалога, монолога ("Азбука 41 (вот я вас всех!)"), пьесы ("Азбука 34 (разговоры об искусстве)", "59 (чеховских разговоров лошадей свифтовских с пением ангельским)", киносценария ("Азбука 30 (рассказчика)", "49 (ца-ца)"), стенограммы "потока сознания" ("Азбука 38 (говорить, говорить, говорить)"), театра абсурда ("Азбука 50 (минут на сорок)"), апокрифа ("Азбука 46 (медицинских советов доктора Чачко со слов великого Ибн Сины)"), перформанса ("Азбука 48"), инсталляции и т.д.

Кроме того, в зависимости от того толкования "Азбуки", которое автор дает в "Предуведомлении", выстраивается та или иная форма текста или его сюжет. Так, например, происходит в "Азбуке 30 (рассказчика)", "Предуведомление" к которой, стилистически эксплуатирующее язык авторского слова в финале гоголевской пьесы "Театральный разъезд после представления новой комедии", выстраивает своеобразный дискурсивный ряд: рассказчик – жизнь – алфавит, реализуемый в дальнейшем тексте как совмещение или монтаж различных социокультурных, литературных (на уровне жанра, сюжета, персонажа) и собственно языковых компонентов.

"Предупреждение" в таком случае – своеобразный ключ, толчок не только к пониманию каждого конкретного текста (повторим, что сама форма "Предупреждения", его язык, стиль выстраивают форму (язык и стиль) той или иной "Азбуки"), но и к пониманию композиционной структуры азбучного цикла, его концептуалистского замысла в целом.

При этом заметим, что выстраивание подобной структуры происходит в рассматриваемых азбуках не линейно, а, если так можно выразиться, ризоматически: через расширение, разбухание ее элементов во всех возможных направлениях (как собственно текстовых – на стилевом, жанровом уровнях, так и внетекстовых, например, в азбуках визуальных и визуально-манипулятивных). Такого рода гиперконструкция, с одной стороны, размывает акцентированную в заглавии природу жанра, с другой, – провоцирует возникновение текста-симулякра (или системы самореперентных симулякров-подделок).

Что касается подзаголовков, то они появляются начиная с "Азбуки 7" и служат своеобразным способом перецентрировки текста – от заглавия-кальки (Азбука 1, 2, 3 и т.д.) к подзаголовку-коду, генерирующему новую версию азбуки. Специфика подобного рода перецентрировки особенно явна, если сопоставить, хотя бы внешне, заголовочный комплекс "Азбук", размещенных на сайте, с одной из опубликованных азбук и имеющей при этом заглавие не "Азбука", а "Инсталляция" и подзаголовок "Азбука" (примечательно, что авторское предупреждение в данном случае также лишается своего привычного обозначения - "Предупреждение") [4].

В рассматриваемых нами текстах подзаголовок выполняет, во-первых, функцию своеобразного маркера, обертона, по которому читатель воспринимает текст: расставляет его смысловые акценты, пародийно обыгрывая, разрушая сложившиеся в массовом сознании клише и стереотипы, маркирующие некие социальные, языковые, религиозные и т.п. догматы. Например, азбука "сакральных вопросов и ответов", "геройская", "истинных имен", "что самое дорогое для человека", "интернационалистская" и т.д. Собственно текст азбуки практически во всех случаях вступает в своеобразный конфликт, противостояние диктуемым подзаголовком ожиданиям.

Во-вторых, именно подзаголовок дает возможность изначально необходимой автору игры с читателем, построенной на принципах бесконечной вариативности предлагаемой в "Предупреждениях" ризоматической конструкции. Список возможных подзаголовков может быть продолжен практически до бесконечности, что обусловлено их типологией: азбука "тайных дуновений внутренних", "убить человека", "разговоры об искусстве", "говорить, говорить, говорить", "вот я вас всех!", "ца-ца", "минут на сорок", "чеховских разговоров лошадей свифтовских с пением ангельским", "о том ужасе, что из провинции Онтарио" и т.д., и т.п. Очевидно, что подобного рода произвольность подзаголовка – не только необходимый, но стратегически оправданный, стратегически заданный ход.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть тот факт, что именно подзаголовки, так же, как и "Предупреждения", становятся теми кодами, при помощи которых транслируется неопределенное (равно бесконечное) множество дискурсов и происходит бесконечное развитие и обновление содержания выстраиваемой автором гиперконструкции под названием "Азбука".

Литература

1. <http://prigov.ru/>
2. Заметим, что "Предупреждение" является одним из наиболее распространенных способов презентации целого ряда текстов Дмитрия А. Пригова. В одних случаях оно выполняет функцию традиционного предисловия, как это происходит, например, в некоторых поэтических циклах, таких как: "Моя Россия", "Мой милый ласковый друг", "В смысле", "Там где оторвали мишке лапу", "Всеотзывчивость русской бритвы", "Тяжелое детство или 20 страшненьких историй", "Ты помнишь, мама", "Детские стихи", "Внутренние разборки", "Метакомпьютерные экстремы". В других, приобретает характер самостоятельной жанровой структуры: "Сборник предупреждений к разнообразным вещам" (М., 1996).
3. Бонч-Осмоловская Т.Б. Заглавие как инструмент мета-языка в литературе формальных ограничений // <http://science.rggu.ru/article.html?id=51138>
4. Дмитрий А. Пригов. Инсталляция // Из архива "Новой литературной газеты". Сборник произведений / Сост. Дмитрий Кузьмин. М., 1997. С. 45-48 // <http://www.vavilon.ru/metatext/nlg-arch/prigov.html>